

Дискуссия

Генезис средств оформления политико-экономического знания. К выходу русского издания книги Йозефа Фогля «Расчет и страсть. Поэтика экономического человека»

Денис Валентинович Кадочников

ORCID 0000-0003-4653-2232

Кандидат экономических наук, доцент, СПбГУ (РФ, 190000, Санкт-Петербург, Галерная ул., 58–60);
научный сотрудник, РАНХиГС (РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82–84).
E-mail: d.kadochnikov@spbu.ru

Аннотация

В Издательстве Института Гайдара вышел русский перевод книги Йозефа Фогля «Расчет и страсть. Поэтика экономического человека». Его автор — профессор Университета Гумбольдта в Берлине, философ, специалист по немецкой литературе и культуролог исследует взаимосвязь развития экономического знания, экономической риторики и литературных текстов. Хозяйственная деятельность людей началась тысячелетия назад, однако оформление разрозненных экономических знаний в самостоятельную теоретическую дисциплину сделало в Европе первые шаги фактически лишь в XVII–XVIII веках. С точки зрения Фогля, переход от простой констатации и религиозно-этической оценки фактов хозяйственной жизни к анализу мотивов поступков индивида, его взаимодействия с другими индивидами, факторов принятия решений в заданных условиях был в значительной степени подготовлен эволюцией не только способов описания собственно экономических реалий (например, двойной бухгалтерии), но и в целом типов повествования о человеческой и общественной жизни. Риторические и выразительные приемы, первоначально опробованные европейскими романистами и драматургами, оказались востребованы основоположниками политической экономии и понятны их аудитории. На множестве примеров из европейских литературных памятников автор книги показывает, как постепенно формировались те способы описания и аргументации, которые в конечном итоге сделали возможным экономический взгляд на человека. В развитие логики Фогля в статье предпринята попытка наметить перспективные направления изучения взаимодействия литературы, искусства и экономической мысли в последующие периоды, на фоне продолжающейся трансформации эстетических идеалов и способов повествования, затрагивающей как художественные жанры, так и научную литературу.

Ключевые слова: история экономической мысли, литература, риторика, поэтика, роман.

JEL: B1, B4.

Статья поступила в редакцию в мае 2022 года

Discussion

The Genesis of the Means of Constituting Political and Economic Knowledge. On the Russian Edition of Joseph Vogl's Book “Calculation and Passion. The Poetics of the Economic Man”

Denis V. Kadochnikov

ORCID 0000-0003-4653-2232

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Saint Petersburg State University^a; Researcher,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)^b,
d.kadochnikov@spbu.ru

^a 58–60 Galernaya ul., Saint Petersburg, 190000, Russian Federation

^b 82–84 Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russian Federation

Abstract

The Gaidar Institute Publishing House has published a Russian translation of Joseph Vogl's book “Calculation and Passion. The Poetics of the Economic Man.” The author, professor at Humboldt University in Berlin, philosopher, specialist in German literature and culture scholar, explores the relationship between the development of economic knowledge, economic rhetoric and literary texts. The economic activity of people began thousands of years ago, but the formation of disparate economic knowledge into an independent theoretical discipline actually began only in the 17–18th centuries in Europe. From Vogl's point of view, the transition from simple registration and religious or ethical assessment of facts of economic life to the analysis of the motives of an individual's actions, their interaction with other individuals and factors of decision-making under given conditions was largely prepared by the evolution of not only the ways of describing economic realities (for example, using dual-entry accounting) but also general methods of narration about human and social life. Rhetorical and expressive techniques, initially applied by European novelists and playwrights, proved to be in demand by the founders of political economy and understandable to their audience. Using numerous examples from European literary monuments, the book's author shows how those methods of description and argumentation were gradually formed, which eventually made the economic view of man possible. In the development of Vogl's logic, the paper also attempts to outline promising directions for studying the interaction of literature, art and economic thought in subsequent periods, against the background of the ongoing transformation of aesthetic ideals and methods of narration, affecting both artistic genres and scientific literature.

Keywords: history of economic thought, literature, rhetoric, poetics, novel.

JEL: B1, B4.

Йозеф Фогль — профессор Университета Гумбольдта в Берлине, литературовед, специалист по немецкой литературе и культуролог, среди прочего активно занимающийся исследованиями поэтики экономического знания, взаимосвязи экономической риторики и литературных текстов. В переведенной на русский язык и вышедшей в Издательстве Института Гайдара книге «Расчет и страсть. Поэтика экономического человека» автор излагает свой взгляд на взаимное влияние и развитие форм, приемов, структуры литературных и театральных произведений, с одной стороны, и обществоведческих, а затем и политико-экономических теоретических систем XVII–XIX веков — с другой. В фокусе внимания автора, таким образом, оказывается период, когда экономические знания начинают складываться в самостоятельную дисциплинарную область.

У экономистов-теоретиков, методологов и историков экономической мысли давно есть понимание того, что суть тех или иных экономических идей, их концептуальные истоки и эволюцию следует изучать, уделяя внимание и тому, с помощью каких приемов, метафор, форматов теоретико-экономических текстов они излагаются. Анализ языка повествования, риторики экономических сочинений может многое объяснить как в истории развития тех или иных концепций и направлений мысли, так и в степени их убедительности и востребованности в политической и академической среде (например, [Маккლოსки, 2015; Расков, 2005; Klamer, 2007; Samuels, 1994]). Экономическая литература именно как литература, очевидно, существует: ведь теоретико-экономические суждения, прежде чем найти своих сторонников или противников, облекаются в форму текста. При этом подходы к построению любого текста, его структура и объем, используемые авторами риторические, выразительные приемы не существуют сами по себе, отдельно от содержания. Форма, в которую облекается мысль, влияет на эффективность коммуникации, может в зависимости от обстоятельств, культурного, психологического и иного контекстов сделать мысль более или менее убедительной и приемлемой для той или иной аудитории. Историю политической экономики, согласно Фоглю, нужно изучать, «принимая во внимание тот факт, что она сама впервые конструирует те предметы, к которым обращается. Не существует некоей экономической данности самой по себе, которую бы на протяжении столетий исследовали, анализировали, упорядочивали и “всё лучше и лучше” понима-

ли с помощью постоянно оптимизируемых категорий и методов <...> любой научный порядок формирует определенные опции изложения и изображения» [Фогль, 2022. С. 14]. Исходный тезис Фогля состоит в том, что появление и развитие новых объектов и предметов изучения, новых дисциплинарных областей обусловлены развитием форм и приемов описания или конструирования образа действительности.

По мере того как изменяется общество, накапливаются (или утрачиваются) знания, изменяются этические и эстетические воззрения и образ жизни, актуальность приобретают новые формы коммуникации и выражения мысли, новые средства оформления знаний. Применительно к литературе это определяет степень востребованности и актуальности тех или иных жанров, приемов и стилей в конкретных исторических условиях. Как демонстрирует в своей книге Йозеф Фогль, это справедливо не только по отношению к художественной литературе, но и к научной, в частности к литературе обществоведческой. Обращаясь к анализу ряда политико-экономических сочинений XVII–XIX веков, ключевых литературных и театральных произведений того времени, Фогль не только обнаруживает сходство в используемых формах построения текстов и средствах выражения и убеждения, но и склонен именно в развитии европейской литературы и театра, в том культурном, этическом и эстетическом контексте, на фоне которого это происходило, видеть предпосылки оформления политико-экономических знаний в целостную теоретическую систему. Стоит отметить, что с ним согласны и другие авторы, изучающие взаимодействие литературы и экономической теории, например [Инграо, 2022; Пиньоль, 2022].

Фогль ищет истоки классического политэкономического дискурса в развитии европейской литературы, словесности в широком понимании, включая и развитие общественно-политических взглядов и хозяйственных практик, обуславливающих новые формы восприятия и описания реалий. Так, возникший в эпоху Возрождения бухгалтерский учет (как система описания хозяйственной деятельности) заставил по-новому воспринимать и описывать отношения людей с людьми и людей с вещами, а распространение политических и управленческих трактатов побудило задуматься о содержании и соотношении понятий свободы, собственности, закона и государства. Новое восприятие действительности приводит к новым способам ее категоризации, закладывает фунда-

мент для формирования понятийного аппарата и методологии обособляющейся научной дисциплины.

В литературах Европы XVII–XIX столетий активно развивается и приобретает всё более широкую аудиторию (благодаря развитию книгопечатания, издательской деятельности, книжной торговли, росту грамотности и иным факторам) жанр романа, формально существовавший к тому времени уже несколько веков. Роман — это объемное произведение, в котором история героя или героев излагается развернуто и подробно, в соотношении с историями других персонажей, историческими или вымышленными событиями, жизнью и нравами общества или отдельных сообществ, действием природных и иных сил. В отличие от песен, поэм и рассказов предшествующих эпох европейский классический роман стремится, воспользовавшись преимуществами объема, представить максимально всеохватную картину мира, реального или воображаемого. Объемность и всеохватность этой картины (и Фогль показывает это на нескольких примерах) оказываются необходимы романистам, чтобы продемонстрировать логику развития фабулы, взаимные связи и влияние различных персонажей и явлений — всё, что до определенного момента может быть неочевидно, но в конечном итоге предопределяет ход событий. Именно в жанре романа (и благодаря его формату и объему, множественности сюжетных линий, авторским отступлениям и т. п.) находит наиболее яркое выражение идея о том, что то, что предстает как случайность, в реальности может быть обусловлено ранее произошедшими событиями, явиться отражением закономерности. Кроме того, именно в жанре романа и благодаря ему литераторам удалось обратиться не просто к описанию поступков героев, но исследовать и объяснить мотивы этих поступков, истоки страстей, интересов и эмоций героев, а также то, как столкновение персонажей, руководствующихся различными мотивами и обладающих различными ресурсами, порождает тот или иной исход. Фогль указывает на потенциальное влияние романа как крупной литературной формы на появление энциклопедий и энциклопедического, комплексного способа рассмотрения действительности. Этот взгляд на реальность, а точнее, этот способ повествования оказался востребованным политэкономами XVIII–XIX веков, которые от обсуждения отдельных вопросов хозяйствования и управления перешли к разработке теоретической системы экономических знаний, призванной дать целостную

картину функционирования общественного хозяйства, а также мотивов действий отдельных хозяйствующих субъектов. Сочинения классиков политэкономии, по мнению Фогля, неслучайно оказались наиболее близки к роману как к самому уместному жанру для описания истоков тех или иных событий и поступков, лишь на первый взгляд случайных и несвязанных. Героем же этого политэкономического «романа» стал экономический человек, наделенный по-новому понимаемыми мотивацией и рациональностью.

Отдавая должное аргументации Йозефа Фогля, стоит также обратить внимание на общий культурно-идеологический контекст, в рамках которого в рассматриваемый период развивались как литература и искусства, так и наука, включая знания об обществе. Вопросы, которые Фогль ставит в этом и ряде других своих сочинений, можно рассматривать в контексте более широкой проблемы соотношения эстетики и этики. Как позитивные, так и нормативные теоретико-экономические идеи связаны с хозяйственной этикой и этикой вообще как системой представлений о должном в отношениях между людьми. В то же время эстетические идеалы воплощают представления о том, что считается красивым, привлекательным, а что — уродливым и отталкивающим. Политико-экономические, хозяйственно-этические и эстетические суждения на глубинном уровне связаны друг с другом, поскольку в их основе лежит определенный способ восприятия, определенный взгляд на человека, общество, окружающую действительность. Если исходить из того, что должное и приемлемое в этическом (в том числе в экономическом) плане не может быть отталкивающим и уродливым эстетически и наоборот [Бондарев, 2017], то следует признать и существование тесной связи экономических идей и эстетических идеалов, причем как с точки зрения содержательной, так и с точки зрения подходов к повествованию, изображению реалий, в том числе и форм политико-экономических сочинений.

Активное развитие романа в европейских литературах и зарождение классической политэкономии совершались на фоне эпохи Просвещения. Это время, когда на смену барокко приходит классицизм как художественный стиль и в известном смысле идеология, мировоззрение [Бутов, 2018]. Интеллектуальным контекстом этого процесса были рационализм и эмпиризм [Писарчик, 2005]. Называя политическую экономию этого времени клас-

сической, истории экономической мысли обычно подразумевают ее основополагающую роль для дальнейшего развития этой дисциплины, однако с полным основанием можно считать ее классической и потому, что экономические идеи того времени вполне соответствовали классицистическому мировоззрению. Эстетические идеалы классицизма и экономические идеи классической политэкономии объединяет одна философия и общий социально-экономический и политический контекст. Свойственная рационализму вера в возможность обеспечить гармоничное и слаженное развитие общественного организма на основе познания и использования в практической деятельности неких предположительно существующих закономерностей функционирования экономики зиждется на убеждении в том, что существует и достижим некий идеал общественной жизни, которая может и должна быть устроена как механизм, все детали которого выполняют свои задачи, слаженно взаимодействуя, а не мешая друг другу. Идея «невидимой руки рынка», которой не нужно мешать, но необходимо, напротив, устранить препятствия и ограничения для ее воздействия, чтобы добиться всеобщего процветания, не предполагает наличия в обществе и экономике фундаментальных противоречий, как, впрочем, и какой бы то ни было неопределенности; напротив, эта идея подразумевает, что общественно-экономической жизни внутренне присуща тенденция к достижению гармонии, в основе которой лежат устойчивые, ясные и познаваемые закономерности. Эстетические идеалы классицизма и экономические идеи классической политэкономии объединяют общая философия и социально-экономический и политический контекст. Рождение политической экономии как научной дисциплины, претендующей на постижение механизма функционирования экономики, отражает среди прочего не только стремление мыслителей внести ясность в сферу экономических отношений, но и веру в то, что эти самые ясность и гармония в ней присутствуют, пусть и скрытые от обывателей. Выбор же форм повествования и риторических приемов, как представляется, предопределен этим стремлением, что отразилось в развитии и художественной, и общественно-политической и публицистической литературы того времени.

Йозеф Фогль сосредоточивается преимущественно на анализе литературных истоков формирования поэтики ранней классической политэкономии. Однако история экономической мысли классической политэкономией не завершилась, а началась. Раз-

вивая и расширяя подход Фогля, можно попытаться наметить перспективные направления исследования взаимосвязи развития литературы, искусства и экономического знания в более поздние эпохи. Не претендуя на исчерпывающий анализ в рамках краткой статьи, пробуем взглянуть через призму подхода, предлагаемого Фоглем, на последующее развитие экономической науки.

Середина и конец XIX, а также начало XX века стали временем активного развития экономической теории. В форме изложения экономисты по-прежнему тяготели к созданию комплексных теоретических систем, школ экономической мысли, что вполне укладывается в логическую схему, предлагаемую Фоглем, ведь и в это время жанр романа в литературе остается актуальным, а к крупным формам тяготеют не только литераторы и философы, но и музыканты и художники. Пространные, зачастую многотомные трактаты Рикардо, Бём-Баверка, Маркса, Милля, Вальраса и других экономистов XIX — начала XX века репрезентируют тот же способ общения с аудиторией, что и грандиозные сочинения великих романистов той эпохи Толстого, Пруста, Джойса. Но хотя формат остается тем же, эстетические идеалы меняются, а с ними меняется и восприятие экономических вопросов. Возникновение и развитие в XIX веке романтизма (а позднее и таких, например, стилей, как историзм и ар-нуво) было, с одной стороны, отрицанием классицистских идеалов, а с другой — реакцией на промышленную революцию, распространение машинного производства и углубление разделения труда, которые при всех экономических преимуществах обернулись и невиданными ранее проблемами, связанными с отчуждением человека от результатов своего труда, превращением рабочих в придатки машин. Перемещая фокус с общественного на индивидуальное благополучие, новые стили восполняли проявившиеся в новых социально-экономических условиях лакуны классицистической парадигмы [Берковский, 2001; Кудряшов, 2021]. В истории европейской экономической мысли XIX — начала XX века этот переворот в мышлении может быть соотнесен с зарождением утилитаризма и в конечном итоге с маржиналистской революцией, возникновением, в частности, австрийской школы. Новые социально-экономические возможности, открывавшиеся на фоне промышленного подъема и урбанизации перед старыми и новыми горожанами, меняющиеся образ жизни и характер труда сопровождалась возникновением новых вызовов, новых вопросов об отношениях человека и обще-

ства, понимании смысла жизни и сущности человеческого благополучия. В сфере эстетики тогда же происходят перемены, порожденные, с одной стороны, новыми техническими возможностями и знаниями, а с другой — новыми запросами меняющегося общества. Возникновение и распространение ближе к концу XIX века ар-нуво (модерна, югендстиля), радикально более интимного и чувственного, чем классицизм (и даже романтизм), созвучно процессам, происходившим в это время в экономике и общественно-гуманитарной мысли. В стиле ар-нуво воплотился новый эстетический идеал, связанный с поиском прежде всего внутренней, индивидуальной гармонии, производной от которой мыслится общественное благополучие, а не наоборот. Ар-нуво — это, пожалуй, первый художественный стиль общества массового потребления, первый столь широко тиражируемый промышленным способом стиль. Связь между ар-нуво как стилем изобразительного и прикладного искусства и архитектуры и новыми техническими и экономическими возможностями, которые обусловили его утверждение и массовое распространение, отмечалась многими (например, [Брызгов, 2009]). Повысившееся внимание к индивидуальным переживаниям, к индивидуально понимаемому (субъективному) благополучию было характерно и для литераторов, в выборе тем и поэтики не столь зависящих от технических и экономических возможностей, но ориентирующихся на запросы читателей. В русской литературе эта смена акцентов (вполне в русле общеевропейских тенденций, но едва ли не более зримо и ярко) проявилась в период, который принято называть Серебряным веком [Бычков, Бычкова, 2009; Волошина, 2012]. В этом контексте вполне логичным был и перенос внимания экономистов на индивида, на то, как осуществляются индивидуальный выбор и принятие решений. Усилившееся в экономической науке (в частности, у неоклассиков) на рубеже XIX–XX веков внимание к поведению отдельного человека (потребителя, предпринимателя), к проблемам справедливости и отчуждения (как, например, у марксистов) отражало как новые экономические реалии (когда на фоне промышленной революции, массового производства и активизации глобальной торговли и потребление, и индивидуальное предпринимательство стали приобретать существенно большее, чем ранее, значение), так и новый взгляд на жизнь и человека — взгляд, который формировался литераторами и художниками едва ли не в большей степени, чем обществоведами.

Вторая половина XX и XXI столетие стали временем трансформации экономического знания и способов его оформления. Попытки создать претендующие на универсальность теоретико-экономические системы постепенно уступили место анализу и моделированию отдельных проблем и процессов. Всё это происходило и происходит на фоне становления того, что в [Toffler, 1980] названо клиповой культурой (в отечественной литературе получило распространение родственное понятие клипового мышления), где объем доступной информации постоянно возрастает, но транслируется эта информация в крайне фрагментированном виде, которую субъект должен постоянно собирать и пересобирать как мозаику. Развитие способности к восприятию информации в таком формате зачастую сопровождается утратой способности к ее восприятию в формах, сложившихся в иные времена. Не секрет, что многим в наше время сложно сохранять внимание при чтении длинного романа или восприятии симфонии; более того, в ритме сегодняшней жизни у многих просто нет на это времени. А что же экономическая литература? Актуальную ситуацию в экономическом дискурсе многие склонны описывать как кризис или тупик ([например, [Некипелов, 2019; Полтерович, 1998]]). Мир экономических идей сегодня намного более плюралистический и многоголосый, чем когда-либо в прошлом, но это многоголосье не активных споров и поиска истины, а кратких монологов [Вольчик, 2015]. В этом отношении ситуация в экономической науке схожа с тем, что происходит в сфере искусства, где уже нет места претендующим на универсальность эстетическим идеалам и большим стилям и приветствуется плюрализм авторских высказываний. В сегодняшнем теоретико-экономическом дискурсе практически не осталось места комплексным теоретическим системам, излагаемым в объемных академических текстах. При оценке публикационной активности исследователей монографии (при том, что комплексное рассмотрение практически любой проблемы возможно скорее именно в формате монографии, а не журнальной статьи или даже серии статей) оцениваются на уровне статьи в журнале, если не скромнее. Если основоположники классической политэкономии обращались к аудитории в жанре своего рода социального романа, то современные экономисты предпочитают менее масштабные литературные формы, творя, так сказать, в жанре рассказов и миниатюр (причем зачастую весьма фантазийного плана). Монографии по-прежнему создаются, но, скорее,

научно-популярного или публицистического характера. Теперь они чаще предназначены не столько для представления развернутой аргументации теоретических систем, сколько для обзора и систематизации результатов, первоначально изложенных в статьях. Такой выбор приемов и средств повествования, такая «поэтика» не могут не сказаться на содержательной стороне экономических исследований. Ни фантастический характер допущений, ни их непригодность для прогнозирования и практического применения, ни просто отсутствие связи с реальными экономическими проблемами не смущают многих современных экономистов, в чем им немало способствует и ставший наиболее востребованным в экономической науке формат (жанр) повествования — статья, подобная краткому рассказу (чтобы не сказать клипу), сфокусированная на узком предмете и содержащая допущения, заведомо нейтрализующие критическую оценку. Возрастающие математизация и формализация экономического дискурса во второй половине XX века сопровождались измельчением исследовательских вопросов, отказом от попыток комплексного осмысления социально-экономических реалий в пользу всё более формализованного исследования зачастую столь узко сформулированных проблем, что результаты таких исследований оказываются не понятны и/или не интересны никому, кроме немногочисленных работающих в этом направлении авторов. Совокупность же результатов исследований узких вопросов, даже если оставить в стороне весьма актуальный вопрос об их достоверности и качестве, вряд ли может дать адекватное и целостное представление о современной экономике. Избегая развернутых монографических форм изложения знаний, современные экономисты в большинстве своем избегают и постановки фундаментальных вопросов, обсуждение которых когда-то способствовало возникновению экономической науки.

Как литературовед, специалист по европейской, прежде всего немецкой, литературе Йозеф Фогль иллюстрирует свои доводы, обращаясь к деталям классических произведений, которые, впрочем, большинству российских читателей знакомы, скорее, в общих чертах. По этой причине чтение книги «Расчет и страсть. Поэтика экономического человека» для экономистов будет простым делом, требующим серьезной концентрации и дополнитель-

ной справочной информации, а то и обращения к обсуждаемым источникам. В известной степени книга Фогля предназначена не только для экономистов, но и для литературоведов и культурологов. Тем не менее поднимаемые Фоглем вопросы выбора форм изложения и коммуникации экономических знаний имеют большое значение прежде всего для экономистов. Претендуя (или хотя бы надеясь) на научную объективность, мы должны помнить о том, что наши восприятие экономической реальности и способность говорить о ней в значительной степени предопределены исторически сложившимся понятийным аппаратом, используемыми способами повествования и оформления экономического знания. Даже попытка задуматься о них, если не понять до конца их генезис, крайне полезна для осознания их условности и историчности, а значит, и существования разнообразных пока нереализованных возможностей иного восприятия экономики.

Литература

1. Берковский Н. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001.
2. Бондарев А. Эстетика и этика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 3(771). С. 118–129.
3. Брызгов Н. Серебряный век — время зарождения промышленного искусства в России // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестник МГХПА. 2009. № 1–2. С. 15–35.
4. Бутов А. Культура классицизма и процесс общественной модернизации в России: от эстетики к рациональному мировоззрению и ценностям // Духовная безопасность и суверенитет России: вызовы, ответы и уроки. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. М.: Институт государственного администрирования, 2018. С. 31–39.
5. Бычков В., Бычкова Л. Серебряный век как метафизическая основа постнеклассической философии искусства // Искусствознание. 2009. № 1–2. С. 40–67.
6. Волошина Л. Творческая индивидуальность в русской эстетике Серебряного века (о познании творческой индивидуальности) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. Вып. 1(9). С. 35–40.
7. Вольчик В. Междисциплинарность в экономической науке: между империализмом и плюрализмом // Terra Economicus. 2015. Т. 13. № 4. С. 52–64.
8. Инграо Б. Экономика и литература // Versus. 2022. Т. 2. № 1. С. 6–42.
9. Кудряшов С. Эстетика романтизма и концепция исторической памяти // Научное мнение. 2021. № 12. С. 39–42.
10. Макклоски Д. Риторика экономической науки / пер. О. Якименко, под ред. Д. Раскова. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
11. Некипелов А. Кризис в экономической науке — природа и пути преодоления // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 1. С. 24–37.
12. Пиньоль К. Что дает нам для понимания экономики художественная литература // Versus. 2022. Т. 2. № 1. С. 102–122.
13. Полтерович В. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. 1998. № 1. С. 46–66.
14. Расков Д. Экономическая теория как риторика // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 5: Экономика. Вып. 3. С. 13–30.

15. Фогль Й. Расчет и страсть. Поэтика экономического человека / пер. с нем. К. Лощевского, под науч. ред. А. Белобратова. М.: Изд-во Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2022.
16. Klammer A. Speaking of Economics: How to Get in the Conversation. London: Routledge, 2007.
17. Samuels W. Essays on the Methodology and Discourse of Economics. New York, NY: Palgrave Macmillan, 1994.
18. Toffler A. The Third Wave. New York, NY: Morrow, 1980.

References

1. Berkovsky N. *Romantizm v Germanii [Romanticism in Germany]*. St. Petersburg, 2001. (In Russ.)
2. Bondarev A. Estetika i etika [Aesthetics and Ethics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities]*, 2017, no. 3(771), pp. 118-129. (In Russ.)
3. Bryzgov N. Serebryanny vek - vremya zarozhdeniya promyshlennogo iskusstva v Rossii [The Silver Age - the Time of Birth of Industrial Art in Russia]. *Dekorativnoye iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda: Vestnik MGHPA [Decorative Art and the Subject-Spatial Environment: Bulletin of the MGHPA]*, 2009, no. 1-2, pp. 15-35. (In Russ.)
4. Butov A. Kul'tura klassitsizma i protsess obshchestvennoy modernizatsii v Rossii: ot estetiki k ratsional'nomu mirovozzreniyu i tsennostyam [The Culture of Classicism and the Process of Social Modernization in Russia: From Aesthetics to a National Worldview and Values]. *Dukhovnaya bezopasnost' i suverenitet Rossii: vyzovy, otvety i uroki. Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Spiritual Security and Sovereignty of Russia: Challenges, Answers and Lessons. Collection of Scientific Papers of the International Scientific and Practical Conference]*. Moscow, Institute of Public Administration, 2018. pp. 31-39. (In Russ.)
5. Bychkov V., Bychkova L. Serebryanny vek kak metafizicheskaya osnova postneklassicheskoy filosofii iskusstva [The Silver Age as a Metaphysical Basis of the Post-Non-Classical Philosophy of Art]. *Iskusstvoznanie [Art studies]*, 2009, no. 1-2, pp. 40-67. (In Russ.)
6. Voloshina L. Tvorcheskaya individual'nost' v russkoy estetike Serebryanogo veka (o poznanii tvorcheskoy individual'nosti) [Creative Individuality in the Russian Aesthetics of the Silver Age (On Cognition of Creative Individuality)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya [Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]*, 2012, no. 1(9), pp. 35-40. (In Russ.)
7. Volchik V. Mezhdistsiplinarnost' v ekonomicheskoy nauke: mezhdru imperializmom i plyuralizmom [Interdisciplinarity in Economics: Between Imperialism and Pluralism]. *Terra Economicus*, 2015, vol. 13, no. 4, pp. 52-64. (In Russ.)
8. Ingrao B. Ekonomika i literatura [Economics and Literature]. *Versus*, 2022, vol. 2, no. 1, pp. 6-42. (In Russ.)
9. Kudryashov S. Estetika romantizma i kontseptsiya istoricheskoy pamyati [Aesthetics of Romanticism and the Concept of Historical Memory]. *Nauchnoe mnenie [Scientific Opinion]*, 2021, no. 12, pp. 39-42. (In Russ.)
10. McCloskey D. *Ritorika ekonomicheskoy nauki [Rhetoric of Economics]*. Transl. from English by O. Yakimenko, D. Raskov (ed.). Moscow, St. Petersburg, Gaidar Institute Publishing House, 2015. (In Russ.)
11. Nekipelov A. Krizis v ekonomicheskoy nauke - priroda i puti preodoleniya [Crisis in Economics - Nature and Ways of Overcoming]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*, 2019, vol. 89, no. 1, pp. 24-37. (In Russ.)
12. Pignol C. Chto dayet nam dlya ponimaniya ekonomiki khudozhestvennaya literatura [What Does Literature Give Us for Understanding Economics]. *Versus*, 2022, vol. 2, no. 1, pp. 102-122. (In Russ.)

13. Polterovich V. Krizis ekonomicheskoy teorii [The Crisis of Economic Theory]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic Science of Modern Russia], 1998, no. 1, pp. 46-66. (In Russ.)
14. Raskov D. Ekonomicheskaya teoriya kak ritorika [Economics as a Rhetoric]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Seriya 5: Ekonomika* [Vestnik of Saint Petersburg University, Series 5: Economics], 2005, no. 3, pp. 13-30. (In Russ.).
15. Vogl J. *Raschet i strast'. Poetika ekonomicheskogo cheloveka* [Calculation and Passion. The Poetics of the Economic Man]. Transl. from German by K. Loschevskiy, A. Belobratov (ed.). Moscow, Gaidar Institute Publishing House, St. Petersburg, Faculty of Liberal Arts and Sciences of SPbU, 2022. (In Russ.)
16. Klammer A. *Speaking of Economics: How To Get in the Conversation*. L., Routledge, 2007.
17. Samuels W. *Essays on the Methodology and Discourse of Economics*. N. Y., NY, Palgrave Macmillan, 1994.
18. Toffler A. *The Third Wave*. N. Y., NY, Morrow, 1980.